

Развилки судьбы фронтального города: уроки Игарки¹

Н.Ю. ЗАМЯТИНА, кандидат географических наук.

E-mail: zamyatina@geogr.msu.ru

ORCID: 0000-0002-4941-9027

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,

Институт регионального консалтинга, Москва

Аннотация. На примере Игарки – города, с создания которого началось промышленное использование Северного морского пути для экспорта сырья – рассматривается механизм эволюции фронтального города. Под фронтальным понимается город, созданный в районе нового освоения в связи с вводом в оборот нового вида ресурса. После первой, пионерной, фазы развития такой город эволюционирует по одному из двух сценариев: либо формирования монопрофильного поселения, либо развития города-базы дальнейшего освоения. Монопрофильный город эффективен на небольшом отрезке времени, но при истощении ресурса или изменении условий его эксплуатации теряет жизнеспособность. База освоения обеспечивает условия эксплуатации все новых ресурсов, по сути – воспроизводства фронта. Именно такие функции могут сохраниться в городе по исчерпанию первоначального ресурса. Игарка пошла по первому пути, и автор задается вопросом, насколько предопределенным был этот выбор.

Ключевые слова: Северный морской путь; Арктика; монопрофильный город; экспорт сырья; экономический кризис; местоположение; диверсификация; база освоения; информационное освоение территории, циклы освоения

Введение

Игарка – яркий, даже экстремальный случай развития города на территории нового освоения. Основанный в 1929 г. как порт по экспорту сибирского леса, город стал «образцовым» примером успехов советской власти на Крайнем Севере. «Посмотрите на карту нашего Севера. По всей Арктике сияют сталинские огни новых городов и районных центров. Заполярная Игарка 12 лет тому назад насчитывала только 49 человек, а сейчас Игарка имеет 20 тыс. жителей», – рапортовал

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта: РФФИ 18-05-00600 «Новая теория освоения Арктики и Севера: полимасштабный междисциплинарный синтез».

И. Д. Папанин XVIII съезду партии в 1939 г.² То обстоятельство, что в Игарку заходили за лесом иностранные суда, заставляло уделять особое внимание городу как витрине советского государства. Репортажи о ней писали зарубежные корреспонденты, составленная с «благословения» Максима Горького книга детских рассказов «Мы из Игарки» экспонировалась на выставке в Нью-Йорке³ и т.д. В 1930-е местная газета выходила на четырех языках [Горчаков, 1995]; здесь была автобусная линия и такси, звуковой кинотеатр, сюда приезжали на гастроли Большой и Малый театры.

«Витрина» советского Заполярья, в постсоветское время Игарка прошла по одному из самых катастрофичных сценариев трансформации, потеряла градообразующее предприятие, почти три четверти населения и статус города краевого подчинения. Сегодня этот город, в конце 1980-х имевший 18 тыс. жителей, насчитывает лишь 4,5 тыс. человек – если не считать ЗАТО, для населенного пункта в статусе города в России это беспрецедентное сокращение. Большая (историческая) часть города сожжена или разрушена; основная часть жителей сселены в два компактных микрорайона на бывшей южной окраине. Удручающая социальная деградация значительной части населения (алкоголизм); в городе, куда три десятилетия назад ехали из разных районов страны на заработки, налицо нехватка работников даже на простейшие должности (продавщица, водитель, работник совхоза и т.п.)⁴.

Чем глубже вникаешь в судьбу Игарки, тем больше задаешься вопросом: насколько неизбежной была эта трагедия?

Показательная сама по себе, Игарка дает богатый материал для изучения более общей проблемы, а именно закономерностей развития городов и, в целом, районов нового освоения, фронтальных. В отличие от преимущественно оптимистичных советских работ по тематике нового освоения [Славин, 1961; Космачев, 1974; Пилясов, 1996; Мосунов и др., 1990], за рубежом сложился более широкий спектр подходов к изучению фронтальных регионов

² XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б) 10–21 марта 1939 г. Стенографический отчет. ОГИЗ Гос. изд. полит. лит. 1939. С. 332.

³ О процессе составления идеологически выверенной книги детей (в большинстве из семей ссыльных) см.: [Мы из Игарки..., 2000].

⁴ Местные предприниматели, продолжающие деятельность в Игарке, нередко привозят работников на эти должности с юга Красноярского края вахтовым методом.

[Developing... 2000], в том числе нередко применяется концепция взлетов и падений. Здесь изучение освоения более тесно переплетено с тематикой, которая в России исследуется (за редким исключением [Крюков, 2019]) как бы отдельно от проблем освоения – в контексте управления развитием моногородов [Замятина, Пилясов, 2015; Assche Van et al., 2016].

Из большого многообразия работ особый интерес вызывает статья аляскинского экономиста Ли Хаски, который прямо задается вопросом условий выхода из фронтальной ловушки, формулируя «гипотезу Джека Лондона» [Huskey, 2017. P. 327–346]. Суть ее в том, что молодой город в период фронтального бума может накопить критический объем и разнообразие экономики, которые позволят, по мере истощения основного ресурса, продолжить жизнь города на следующем, постсырьевом этапе.

Используя гипотезу Л. Хаски в качестве отправной точки, попробуем проанализировать факторы развития и возможность «иной судьбы» Игарки. Опираясь на факты из истории Игарки, обратим внимание на то, что не всякий рост экономики фронтального города является залогом его сохранения и процветания в постфронтальную эру – в этом-то и состоит, пожалуй, главный урок Игарки для понимания траектории развития судьбы городов. Пример Игарки позволяет выйти на уточнение гипотезы Л. Хаски, а именно – на введение, как минимум, двух вариантов выхода из периода первоначального освоения еще до истощения базового ресурса: а) в состояние центра массового производства и б) в состояние города-базы. За отсутствием сколько-нибудь детальных ретроспективных статистических данных (сам Л. Хаски опирался на данные старых адресных книг Анкориджа) будем использовать ранее систематизированные [Zamiatina, 2020]⁵ данные о динамике создания/закрытия в городе тех или иных предприятий и организаций, но в первую очередь – материалы полевых исследований, проведенных автором в Игарке в 2013 г. и в 2018 г. (второй раз – совместно с коллегами из Тюменского государственного университета М. Агаповым и Ф. Корандеем⁶).

⁵ Замятина Н. Ю. Игарка – первый порт Севморпути: взлет, падение уроки // GoArctic. Портал о развитии Арктики. 2020. 14 сентября. URL: <https://goarctic.ru/regions/igarka-pervyu-port-sevmorputi-vzlyet-padenie-uroki/>

⁶ Автор выражает глубокую благодарность коллегам за творческое партнерство в работе.

Особенности Игарки как фронтального города: географическое положение как «месторождение»

В отличие от городов в плотно населенных районах город в районах нового освоения часто (хотя и не всегда) связан с неким ресурсом, вовлечение которого в хозяйственный оборот вызвало к жизни сам фронт – интенсивное освоение соответствующего района. В классической истории фронта [Тернер, 2009] выделяется, например, фронт горный (золотые «лихорадки» на Западе США во второй половине XIX века), сельскохозяйственный⁷ (на ресурсе свободных земель) и т.д.

Канадский экономист Г. Иннис [Innis, 1930] предложил для описания истории своей страны понятие «отраслей-драйверов» (staples или сегодня это «отрасли-скрепы»), определивших эпохи хозяйственного освоения Канады. Иннис говорил о стране в целом, мы же в отношении конкретного города в районах нового освоения будем говорить о *базовом ресурсе*, разработка которого повлекла за собой рождение или активный рост данного города.

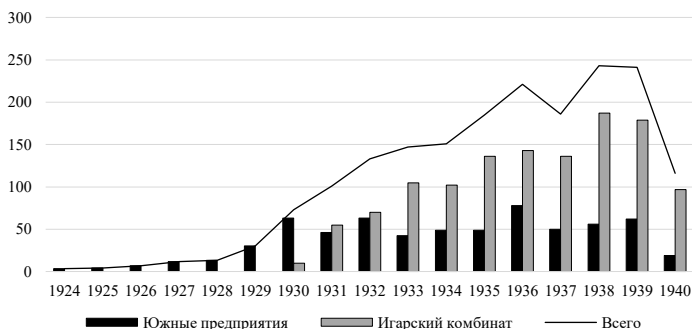
Во введении данного понятия нет особой новизны: естественно, что Норильск возник в связи с освоением угольных и медно-никелевых месторождений, Новый Уренгой – газовых, Магадан – в связи с разработкой золотых запасов Колымы. Специфична ситуация Игарки: ее базовым ресурсом стало уникальное географическое положение. Основной экспортный товар – древесину – в окрестностях Игарки не заготавливали, а поставляли (сплавляли) из более южных районов, а в Игарке перегружали на морские суда.

Уникальность Игарки состояла в ее местоположении: «Наиболее южная доступная для глубоководных морских судов гавань на Енисее – Игаркская протока одновременно является наиболее северным пунктом, допускающим достаточно безопасный сплав плотов в речной протоке», – писали в 1928 г.⁸ Кроме того, удобная протока позволяла судам укрываться от штормов (обычных в этом районе на Енисее), а также оберегала портовые сооружения от разрушения в ледоход (портовые краны в Дудинке до сих пор весной убирают от ледохода).

В первое же десятилетие существования Игарка стала важнейшим центром экспорта сибирского леса (см. рис. 1).

⁷ Из недавних работ см.: [Наумов, 2018].

⁸ Цит. По: [Горчаков, 1995. С. 44.].

Источник: Невенкин К. Г., Лапин Г. П. Лесной экспорт с Енисея: Пособие для работников лесозэкспортных предприятий Сибири / Под ред. Н. А. Никоненко. Красноярск: Кн. изд-во, 1975. 280 с.

Рис. 1. Рост роли Игарки в экспорте леса по СМП из Красноярского края в 1924–1940 гг., м³

По сути, строительство Игарки «открыло» массовый промышленный экспорт енисейского леса [Zamiatina, 2020] – но мало кто обращал внимание, что именно строительство Игарки, по сути, запустило промышленную эксплуатацию Северного морского пути (СМП). Да, к моменту основания Игарки было предпринято уже немало попыток наладить выход с Енисея на внешний рынок: экспедиции купца Михаила Сидорова, в том числе – под руководством капитанов Дж. Виггинса и Д. Шваненберга; торговые операции норвежца Йонаса Лида, карские операции колчаковского времени и первых лет советской власти. Но именно из Игарки был налажен «поточный», регулярный экспорт, позволивший преодолеть экономический барьер высоких страховых выплат торгового судоходства по СМП: «увеличение тоннажа заходящих в Енисей судов ... свидетельствует о повышении степени изученности условий прохождения, а отсюда и уменьшение опасности этих рейсов. Характерным для последнего является из года в год падающий размер страховки уходящих в Игарку судов», – сообщали из города уже в 1935 г. [Игарка, 1935. С. 7].

Работа Ростислава Горчакова [Горчаков, 1995] открывает интересные детали, позволяющие понять механизм прорыва барьеров освоения: организация сплава по Енисею сама по себе потребовала дерзких (инновационных) решений, и технологическое

нововведение в виде использования на Енисее плотов волжского типа можно считать второй важнейшей составляющей открытия игарского фронта. Однако важность нахождения удачной точки перевалки это не уменьшает. До Игарки десятилетиями шли поиски этой точки, включавшие основание Усть-Порта, базы на Насоновском острове в низовьях Енисея и др. – однако, повторим, только открытие игарского «месторождения» – местоположения – позволило запустить Северный морской путь в промышленных масштабах.

Однако идеально подходящее под перегрузку сплавного леса местоположение Игарки оказалось «исчерпанным» при отказе от самосплава леса в плотях, и тем более – при появлении судов «река – море». Конечно, Игарка сохраняет некоторые преимущества (удобная протока) и для других способов транспортировки сырья – но, как показывает опыт развития Дудинки, они уже не критичны (в частности, в 2018 г. при пробной попытке восстановить экспорт леса по СМП в качестве точки перевалки использовалась Дудинка⁹).

В экономической терминологии местоположение Игарки оказалось «специфическим активом»: здесь уникальность местоположения оказалась сродни месторождению. Экономическое его значение определяется не только наличием сырья, но и его востребованностью в той или иной ситуации, при этом иного варианта использования, кроме как добыча ресурса, месторождение не предполагает. Мы привыкли считать, что положение «на транспортных путях» является выгодным «географическим положением», однако эта «выгодность» может устареть, например, по мере развития технологий – подобно тому, как истощаются месторождения базовых минеральных ресурсов. Правда, оценки В. Е. Голенкова показывают, что даже в современных условиях (по состоянию на 2007 г.) экспорт леса через Игарку может быть рентабелен – однако это верно только в отношении экспорта в северные страны Европы [Голенков, 2007].

Обстоятельства «исчерпания месторождения» роднят Игарку с целым рядом старинных городов, основанных на караванных

⁹ Сибирский экспортер леса возобновил поставки через Северный морской путь после 10 лет перерыва // Альта-Софт: все для декларантов и участников ВЭД. 5 сентября 2018. URL: https://www.alt.ru/sfo_news/62591/

(и иных) путях и потерявших свое экономическое значение (и население) в связи с тем, что по каким-то внешним причинам пути перестали существовать или пошли по иной трассе: Пустозерск и Мангазея, в какой-то мере – Верхотурье и др. В будущем такая судьба может ожидать Усть-Кут (с портом Осетрово) – главный пункт перевалки грузов с железной дороги на реку Лена.

Гипотетически «истощение» географического положения не обязательно приводит к краху выросшей на нем городской экономики. Накопленные активы могут стать основой будущего развития – здесь легко вспомнить классиков (от Н. Н. Баранского, заметившего, что «город может сам себе создать положение» [Баранский, 1980], до Пола Кругмана, в нескольких работах приводившего пример Нью-Йорка, выросшего на канале Эри, однако, уже около полутора веков нормально развивающегося и после окончания промышленного судоходства по каналу [Krugman et al., 2011. С. 152]). В качестве объясняющего механизма П. Кругман предлагал экономику возрастающей отдачи: куда выгоднее размещать новые виды деятельности в уже существующем городе, чем строить новые города под новые условия – и в общем, ровно в этом и должен бы, казалось, состоять «эффект Джека Лондона».

Жизнь после фронта: теоретические варианты

«Гипотезу Джека Лондона, – пишет автор, – можно сформулировать так: «эксплуатация ресурса вызывает такой рост и развитие сопутствующих отраслей, что они продолжают существовать и после спада ресурсного бума, что, в свою очередь, стимулирует новую экономическую активность» ... Гипотеза Джека Лондона дает возможность более оптимистичной «послебумовой» истории. Структурные изменения, которые происходят во время бума, могут изменить экономическую среду таким образом, что она будет способствовать появлению новых возможностей экономического развития в будущем. Местные политики, возможно, пожелают обратить внимание не только на извлечение природных ресурсов, но и на ту часть экономики, которая останется после бума освоения» [Huskey, 2017. P. 44].

Заметим, что, на протяжении практически всего советского периода освоения Крайнего Севера неявно предполагался именно такой вариант развития молодых городов: они должны были стать «полноформатными» экономическими центрами новых освоенных районов¹⁰. Очевидно, в ранние годы такая идеология освоения Севера была связана с необходимостью насаждения на осваиваемой территории пролетариата как главного носителя прогрессивной идеологии, поэтому освоение Севера оказывалось фактически тождественно росту северных городов¹¹.

Однако любой ли рост экономики сможет стать опорой будущего (несырьевого) развития?

Ли Хаски рассматривает в качестве основы будущего, пост-фронтального развития сферу услуг. Но какова она должна быть, чтобы «держаться» экономику города по истощении «базового ресурса»? Судьбы американских городов-призраков показывают, что сфера услуг, направленная на удовлетворение внутреннего спроса горожан, никак не страховала города от смерти. Яркий пример: поселение Сёркл на Аляске, возникшее на ранних открытиях золота на Юконе, и символично названное в честь Северного полярного круга. Через три года после открытия первого золота здесь было «два театра, музыкальный салон, восемь танцевальных салонов, двадцать восемь салунов, библиотека» [Vorneman, 2003] – практически «креативная городская среда» (по современной урбанистической концепции). Город называли Парижем Аляски. Однако вскоре нашли золото на Клондайке, и жители чуть ли не в ночь покинули Сёркл. Не осталось ничего.

По сути, это иллюстрирует и Игарка. Уже в 1930-е была основана научная станция по изучению вечной мерзлоты (и далее на ее базе – первый в мире и до сих пор уникальный Музей вечной мерзлоты), опытная сельскохозяйственная станция, давшая несколько новых сортов овощей, гидрографическая база, аэропорт (причем игарские летчики обслуживали экспедиции к Северному полюсу, в частности, обеспечивали ледовую разведку при походе

¹⁰ С поправкой лишь на то, что в этих районах, видимо, никогда не будет развитого сельского хозяйства [Славин, 1961].

¹¹ Подробнее: [Zamatina, 2020] и *Замятина Н. Ю.* Нужно ли «нормализовать» Север? // Портал GoArctic. 2020. 3–4 июня, URL: <https://goarctic.ru/society/nuzhno-li-normalizovat-sever/>

к Северному полюсу ледокола «Арктика» в 1977 г. [Горчаков, 1995]). В разные периоды XX века действовал филиал Красноярского техникума¹², целый ряд геологических экспедиций¹³, собственное телевидение и др. Игарский совхоз в 1930-е экспонировал выведенные сорта овощей на ВДНХ, а в войну полностью обеспечивал город картофелем.

К настоящему времени значительная часть предприятий и организаций Игарки не сохранилась¹⁴. В 1999 г. город потерял даже Педагогическое училище народов Севера, казалось бы, никак не связанное с умиравшим градообразующим предприятием (училище было переведено в Дудинку, впоследствии возродилось в Игарке в форме филиала профессионального училища г. Дудинки¹⁵, ныне: Игаркский многопрофильный техникум).

Сегодня, если не считать функции жизнеобеспечения самого города (котельная, магазины, больница – впрочем, все это в крайне плачевном состоянии), Игарка выполняет часть прежних функций «по Хаски» – некогда связанные с обслуживанием города и порта, сегодня они используются, по сути, в новом качестве. В первую очередь, это аэропорт, реконструированный и используемый «Роснефтью» как авиабаза Ванкорской группы месторождений (более чем в 100 км от Игарки).

¹² «Колоссальнейшую роль сыграл. Отсюда вышел не один начальник цеха, не один мастер, сами производственники». (Из интервью с директором Игарского многопрофильного техникума М. А. Андреевой, 2018).

¹³ Интересно, что ведомственное жилье геологических экспедиций было одним из самых комфортных в городе: «Экспедиции – их тут очень много было, порядка десяти. ... Экспедиция могла себе позволить такую роскошь. Там и московская экспедиция – коттедж был, и новосибирская экспедиция построила, игарская экспедиция у нас была, два коттеджа построила. ... Игарка за счёт экспедиций и преобразилась немножко, я считаю. ... У нас первую девятиэтажку, 30-й дом, это московская экспедиция тоже построила. ... По тому времени они были богатенькие, что называется... у них вопрос решался по жилью». (Из интервью с Е. Г. Смирновой, главным архитектором Игарки, 2018).

¹⁴ Детальную сводную информацию по динамике возникновения и открытия организаций см.: [Zamiatina, 2020; Замятина, 2020].

¹⁵ «...Когда от нас уходит педагогическое училище народов Севера, в городе ещё проживает на тот момент в расцвете сил Пётр Петрович Дончак, бывший работник горкома партии, вообще человек, который не спокоен по отношению к подрастающему поколению, и он на всех уровнях начинает поднимать вопрос, что Игарка не может остаться без профессионального образования, и в 2001-м году у нас открывается филиал прежде всего профессионального училища, он становится его первым директором, и мы начинаем свой отчёт». (Из интервью с директором Игарского многопрофильного техникума М. А. Андреевой, 2018).

Заметим: хотя практически всю инфраструктуру пришлось перестраивать¹⁶, «Роснефть» все же решила использовать старый аэропорт, а не на строить новый, ближе к месторождению. Можно предположить, что важную роль тут сыграла не столько ветхая инфраструктура, сколько информационная освоенность территории (многолетние метеорологические данные и т.д.) и наличие кадров. Кроме того, крупногабаритные грузы доставляются на месторождение водным путем через расположенную в 20 км выше по Енисею базу Прилуки (полностью разоренный Игарский порт возродить не стали). В остальном, на новом, нефтяном, «витке» освоения Игарка почти не задействована; местные жители почти никогда не трудоустраиваются на Ванкор (за исключением работников охранного предприятия).

Другая «побочная» функция Игарки – это обслуживание участка ЛЭП от Курейкской ГЭС на Норильск (ООО «Таймыр-энерго», РЭС № 2) – еще одно из немногих престижных мест трудоустройства игарчан.

В свое время обсуждался потенциал игарского Музея вечной мерзлоты стать главным «градообразующим предприятием» Игарки, а сам город виделся культурно-туристическим центром. Генеральный план старой Игарки был разработан Иваном Леонидовым, всемирной «звездой» советского авангарда, а некоторые

¹⁶ Интересно, что при этом проявилась особенность местоположения Игарки, едва ли учтенная в момент ее основания (однако впоследствии активно использовавшаяся Игарской авиационной базой: «Аэропорт Игарка избран нефтяной компанией “Роснефть” в качестве стратегического аэропорта для освоения Ванкорского месторождения. Это вполне понятно, поскольку преимущества Игарки перед другими близлежащими населенными пунктами... заключаются не только в ее близости к Ванкору. Неоспоримым достоинством являются благоприятные для работы авиации и здешние метеословия. Игарка может служить и транзитным, и запасным аэропортом для многих типов самолетов, в том числе для ИЛ-86. Правда, из многочисленных достоинств у Игарки почти ничего не осталось. Износ основных средств составляет 80–90 процентов. И если здесь что-то еще и работает, то только благодаря патриотам авиапредприятия, которые трудятся в аэропорту по 20–30 и более лет. Поэтому, чтобы стать полноценным транзитным и запасным аэропортом, в первую очередь потребуются выполнить серьезную реконструкцию взлетно-посадочной полосы и мест стоянок самолетов. Чтобы обеспечить соответствующее обслуживание пассажиров и вахтовых бригад, надо будет отремонтировать гостиницу, но остальное – гараж, автотракторные боксы, сам спецавтотранспорт, здание аэровокзала, котельная, дизельная и другие сооружения служебного и производственного назначения, в том числе несколько объектов незавершенного строительства, ремонту не подлежат. Как сказал генеральный директор ЗАО “Ванкорнефть” Евгений Евгеньевич Попов, “мы все это снесем и поседем тут зеленую травку”». (Немного ностальгии и не только /Архивы 2006 // 31 марта. [Ресурс информации о севере Красноярского края]. URL: <https://31marta.ru/2006/page/2/>)

приписываемые ему деревянные здания в стиле конструктивизма были действительно уникальными (здание речного порта). Проект «Заполярная Игарка: архив возрождает город» в 2005 г. оказался в числе победителей на 2-м конкурсе «Меняющийся музей в меняющемся мире»¹⁷. В общем, потенциал города и музея казался вполне готовым для становления города своего рода музейной витриной советской Арктики – если бы это позволил общий уровень развития внутреннего туризма в России в целом и в российской Арктике в частности. Впрочем, надо заметить, Игарка регулярно принимает некоторое количество российских и зарубежных исследовательских групп и иных посетителей музея, приезжающих «за знаниями». Аналогичные функции периодически выполняет Игарская станция вечной мерзлоты (принимающая группы студентов-мерзловедов) и др.

Во всех случаях обращает на себя внимание одна особенность: современными «драйверами» (хотя и довольно слабыми) в развитии Игарки выступают не просто сервисные предприятия, но те, которые связаны с обеспечением деятельности по хозяйственному (и, пользуясь термином Космачева, информационному [Космачев, 1974. С. 30–41]) освоению окружающей территории. Иными словами – выполняют функции классической, выделенной сибирскими учеными еще в 1970–1980-е годы *базы освоения*, понимаемой как «пространственно-временная концентрация освоенческих услуг» [Сысоев, 1979. С. 105].

Таким образом, концепцию Л. Хаски стоит уточнить в части специализации услуг, наращиваемых в годы фронта в качестве «депозита» для будущего экономического развития. Похоже, что услуги, ориентированные на удовлетворение потребительского спроса, сами по себе еще не могут обеспечить дальнейшее существование города – но услуги, *обеспечивающие дальнейшее освоение территории*, – это именно то, что нужно для сохранения северного города, который таким образом превращается в базу освоения новых ресурсов или старых ресурсов на все более отдаленных территориях. Подробнее этот механизм рассмотрен ранее на примере Магадана [Замятина, 2020]. Правда, жизнь города-базы возможна до тех пор, пока актуальна разработка

¹⁷ Заполярная Игарка: архив возрождает город // Новости музеев. URL: <http://museum.ru/N23027>

все новых и новых ресурсов. В условиях Арктики, где развитие, например, обрабатывающей промышленности объективно затруднено, спектр альтернативных городу-базе функций крайне сужен: по сути, только становление административным центром (вариант Нарьян-Мара).

Слабость современной Игарки оказалась не только в падении градообразующего предприятия (во многом predetermined «истощением» местоположения, лишь отсроченного в советские годы), но и в утрате функций базы освоения окружающей территории. Частично это было связано не с событиями конкретно Игарки, а со сменой политики в отношении освоения Севера России в целом (геологические экспедиции) либо изменением технологий (почти не работающая ныне гидрографическая служба). Но были определенные особенности развития и самой Игарки, обернувшиеся «миной замедленного действия» в кризисные времена.

Игарка как город-база: возможные ветви эволюции

Молодая Игарка отлично иллюстрирует раннюю политику советской власти по отношению к освоению Севера, подразумевавшую преобразование «отсталой окраины» в новую социалистическую реальность.

Обратим внимание на то, что по ходу создания молодых городов Крайнего Севера большое внимание уделялось их «полноценности». Это должны были быть не просто производственные центры, но очаги цивилизации окружающей территории¹⁸. Читаем первую книгу о городе 1935 г. (городу всего шесть лет!): «Роль Игарки в проблеме освоения Крайнего Севера велика еще и потому, что в местах, где культура, техника с ее революционизирующим влиянием были неизвестны, где в итоге политики царской России хозяйство находилось на первобытном уровне с натуральным и полунатуральным укладом – вырос город, появился рабочий класс, электричество, школы, больницы, кино, клубы и т.д.» [Игарка, 1935].

Даже беглое перечисление подлинно экспериментальных, новаторских технических решений, объектов исследовательской

¹⁸ Более развернутая характеристика фактов, положенных в основу этого и следующего разделов, дана: [Zamiatina, 2020; Замятина, 2020].

инфраструктуры, научных, образовательных и культурных учреждений, созданных уже к 1935 г. и перечисленных в рассматриваемой брошюре – поражает. Более того, многие из них обслуживали не только Игарку, но и окружающие территории:

«Игарка в настоящее время стала единственной базой домостроения всего Крайнего Севера: Дудинка, Норильск, Усть-Порт и все другие пункты Таймырского округа получают лесоматериалы и пиломатериалы с игарских лесозаводов, а полярные стандартные домики (зимовий и т.д.) полностью осуществляются в Игарке и сплавляются к местам назначения в разобранном виде. Исключительно большое значение для всего Крайнего Севера имеют экспериментальные работы Игарки в области сельского хозяйства. Игарские опыты показали, что проблема производства овощей и ряда других с/х растений может быть успешно разрешена в условиях Сибирского Заполярья, чем значительно передвигается граница земледелия. ... громадное значение принадлежит Игарскому филиалу “Института экспериментальной медицины” ... должно быть понятно техническое значение Игарской мерзлотной станции... Культурные учреждения Игарки – больницы, школы, клубы и т.д. имеют далеко не только местный, городской характер, – ими обслуживается частично и население других районов Крайнего Севера. В этой связи можно отметить большую культурную роль Игарской радиостанции – одной из самых мощных в Красноярском крае. ... Являясь крупным потребляющим центром, Игарка всегда имеет на своих складах значительные запасы товаров, за счет маневрирования которыми в напряженные моменты имеется возможность удовлетворить нужды соседних северных районов, в частности Таймырского округа. Так, например, в 1934 г. Игарка перебросила зимой в Таймырский округ товаров на 1500 т.р.» [Игарка, 1935. С. 7–9].

Это и был потенциальный задел на диверсификацию, на «эффект Джека Лондона», и его предполагалось расширять, построив «деловой дом» – клуб инженерно-технических работников. Этот же клуб может быть использован как база техучебы и повышения квалификации игарских работников...» [Игарка, 1935.С.41]

Что же убило весь этот потенциал?

«Золотой век» Игарки и трагедия массового производства

Удивительным образом функции базы во многом были разрушены в «золотой век» Игарки (как его датировали практически все опрошенные здесь респонденты) – 1970–1980-е годы. Действительно, именно в этот период были достигнуты рекордные показатели в ключевой отрасли города: в 1978 г. через Игарку отправляется максимальный объем пиломатериалов – 1322,5 м³ (сопоставимый, хотя и меньший объем экспорта держался до 1990 г.).

Казалось бы, город процветает. Массово ведется строительство многоэтажных домов: в 1970–1980-е вырастают два микрорайона. В 1977 г. пущен прямой авиарейс на Москву [Горчаков, 1995. С. 176]. Респонденты с ностальгией рассказывают о доступности (через моряков) зарубежных товаров, дефицитных джинсов и т.д. Сезонники едут на заработки в Игарку с разных концов страны.

Интересно, что численность населения – при активных производственных успехах – не росла, но постоянно колебалась. В юбилейном 1979 г. она составляет 16,5 тыс. чел. – меньше, чем в 1955-м (20 тыс. чел.). Красноярский историк Наталья Гонина, анализируя проблемы «укоренения» городского населения, пишет: «Тяжелейшим условиям жизни и работы мигранты противопоставляли силу характера (хэмингуэвские мотивы), романтизм первооткрывателей новых земель, идеалы и мечты строителей коммунизма... среди людей, имевших такие установки при переезде, большинство смогло укорениться, в отличие от тех, кто ехал с целевой установкой повышения материального благосостояния...» [Гонина, 2016. С. 10]. Так вот, в Игарку, судя по интервью, в «золотой век» города большинство ехало отнюдь не за хэмингуэвскими мотивами:

P1¹⁹: А мои родители в 83-м, как говорят, за длинным рублём приехали.

И: А говорят, иностранцы ходили?

P1: Я только видела, как они мелькают. Катер был. Кто хотел, тот, конечно, находил. По иностранным мы не ходили, не шлялась... Они и джинсами торговали, и косметикой. Покупали там, колготками.

P2: Торговали жвачкой, сигареты были. Как-то связывались с ними.

¹⁹ P1, P2 и т.д. – респондент 1, 2 и т.д. И. – интервьюер (автор).

Р1: Эти рубицики, они же с ними общались. У них тальман был, и наши старшие рубицики, они общались. Некоторые там вместе в тальманской сидели на парходах. <Спрашивали:> “Вы поедете туда-то? То-то привезти”. Всё, на следующее утро... джинсы, размеры, что хотели. ... платье я взяла, такое, типа плащовки. Пошив такой был. Они были жёлтые, белые, голубые, всякие разные. Покрывала брала через рубицику.

И: Через рубицику, которая с ними общалась?

Р1: Да. ... рубицицы, они сидели там, где предоставляли место. Они же в дождь не будут. И они на барже сидели, и т.д. и т.п., и общались с ними. Они напрямую связаны были. Было вообще замечательно. Улица Октябрьская у нас была, когда выходишь с речпорта: белые дома, зелень, дорожка ровненькая, асфальт. Всегда тут все магазины, рестораны, мотели. Таксисты. И сколько было клубов на дискотеки ходить! Подростками же были. 8–9-й класс. А сейчас, конечно, печально. И дом пионеров был, и кинотеатры.

Р2: А я приехала с Урала, у нас там голодный год был. Всё по талонам... Я из Пермской области: Чайковский и Пермь. И там просто был голод. Я приехала сюда, здесь кофе было порошковое в банках. УПК, порошковое, в банках железных. Чай со слонем, сгущёнка. Это такие витрины были круглые из банок. У меня вообще глаза наизнанку вылезли. ... Сгущёнка и вареная, и пастеризованное молоко было. Одежда была нормальная, трикотаж хороший был. Сейчас же ничего нету. Я отсюда посылки отправляла. (Интервью в Игарке, 2018. Респонденты: женщины, 40–50 лет, занятые на неквалифицированной работе).

Справедливости ради стоит сказать, что многие опрошенные в Игарке указывали на «прикипелость» к месту многих из тех, кто сейчас остался в Игарке (подтверждая выводы Н. Гониной)²⁰.

²⁰ «Р: Игарчане, которые здесь коренные и приезжие, которые живут более 10-ти лет, люди любят свой город, люди живут этим. Не всегда, не все здесь жители приехали за длинным рублём, получили за три года там, накопили на квартиру, на машину, и уехали.

И: А такое тоже было?

Р: Ну, а как же?

И: За три года можно было накопить?

Р: Можно, да. В советское время на лесокombинате в две-три смены можно было накопить за два-три года. У нас такие легенды ходили. Уезжали, покупали “Волгу”». (Из интервью с директором Игарского многопрофильного техникума, 2018).

Однако в целом складывается ощущение, что в Игарке «общество потребления» сформировалось уже в 1970-е. Параллельно идет стремительная утрата потенциала базы освоения. Теряются отрасли и направления, которые могли бы обеспечить инновации, укрепить экономическую базу развития города «после бума». В 1977 г. филиал Красноярского политехнического техникума (сущ. с 1959 г.) переводится в Красноярск²¹. Прекращается выращивание выведенных в Игарке сортов овощей (кроме ЛПХ), с 1950-х годов снабжение овощами завозное. В 1983 г. закрывается Игарская телестудия ввиду стабильного приема передач Центрального телевидения²². Прекращается деревянное домостроение – по сути, уходит тот потенциал, который гипотетически мог бы стать основой будущей новой специализации.

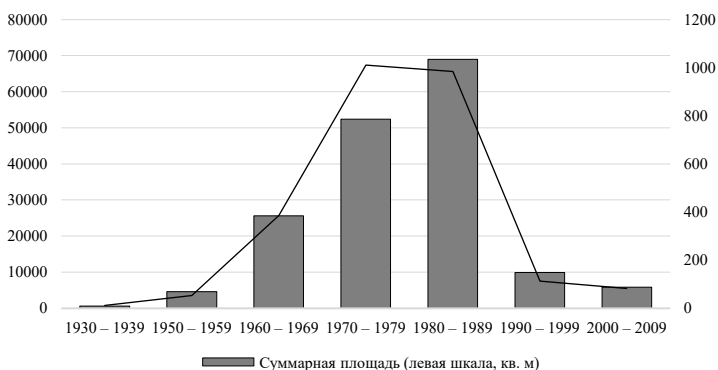
Прорывные, революционные решения были сделаны раньше, в 1960-е годы. Так, рекордные объемы перегрузки леса, многократно превышающие довоенный уровень, стали возможны благодаря внедрению в предыдущее десятилетие новой технологии транспортировки: в Игарке теперь перегружались уже не отдельные бревна, а мощные «пакеты», зачастую с баржи на лесовоз на прямую, минуя берег²³. Заметим: само продолжение лесоэкспорта через Игарку зиждилось уже на эффекте возрастающей отдачи (или, по Н.Н. Баранскому, город уже сам создавал свое географическое положение): преимущества города при самосплаве леса уменьшаются в случае перегрузки пакетов, и полностью исчезают при изобретении судов типа «река – море». После пожара 1962 г. появилась новая часть Игарки – «Новый город» (преимущественно деревянные двухэтажные дома), разработан новый Генплан (предусматривающий те самые микрорайоны, которые строятся два следующих десятилетия). В 1964 г. было организовано городское телевидение, в 1965 г. – уникальная подземная часть музея вечной мерзлоты (в переданной от исследовательской станции шахте). В 1966 г. в Игарку заходит первый круизный теплоход: дан старт развитию туристической индустрии.

²¹ Информация музея Игарского многопрофильного техникума.

²² С 1998 г. вновь запущен муниципальный телеканал (без электронной версии).

²³ *Невенкин К. Г., Латин Г. П.* Лесной экспорт с Енисея: Пособие для работников лесозэкспортных предприятий Сибири / Под ред. Н. А. Никоненко. Красноярск: Кн. изд-во, 1975. 280 с.

В 1970-е развитие идет уже не столько качественно, сколько количественно. При этом валовые показатели достигаются зачастую в ущерб качеству. Так, например, погрузка леса на лесовозы требует особой квалификации и опыта, однако ввиду острой нехватки рабочей силы к погрузке массово привлекаются сезонные рабочие²⁴. По-видимому, аналогичное замещение качества валовыми показателями происходило и в других сферах; в частности, массово построенные квартиры в 1970-х в среднем были теснее квартир в более старых домах (рис. 2 и 3).

Источник рис. 2,3: Дом.МинЖКХ.РУ. URL: <http://dom.mingkh.ru/krasnoyarskiy-kray/igarka/#stats>

Рис. 2. Ввод жилья в Игарке по десятилетиям в 1930-2009 гг.

Общая политика доминирования в сырьевых районах ведомственных интересов, характерная для эпохи, дополняла картину «оконверсивания» Игарки. Главный специалист по архитектуре и строительному контролю Е.Г. Смирнова рассказывает, что в 1980-е приходилось проводить по документам культурные учреждения (в частности, школу искусств) как жилые или

²⁴ Разумеется, сезонные рабочие привлекались к работе в порту практически на протяжении всей его истории, и динамику проследить не удастся; любопытно, однако, в первой половине 1930-х говорили о необходимости сокращения их численности: «Почти все эти пункты объединяли в едином комплексе несколько отраслей производства... с таким расчетом, чтобы внутри каждого хозяйственного узла эти отрасли обеспечили полную загрузку и всестороннее использование рабочей силы, допуская лишь для отдельных отраслей завоз сезонных рабочих на погрузочные работы и промыслы» [Славин, 1961. С. 116; Горчаков, 1995].

производственные помещения²⁵, поскольку по действовавшим нормативам «культуры» Игарке больше не полагалось.

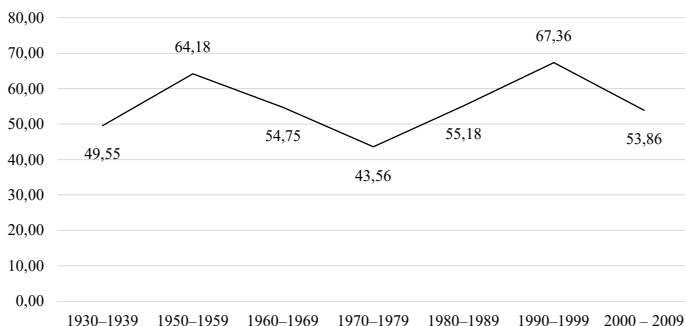

Рис. 3. Распределение современного многоквартирного жилья в Игарке по периодам постройки в 1930–2009 гг.

Переход к эпохе массового производства – это качественный рубеж: иссякает инновационный потенциал фронта, институциональная и производственная системы «костенеют». Главные приметы «оноквееривания» – уход креативности, разнообразия производственной и культурной жизни, отсутствие радикальных нововведений, и все это – на пике собственно производственных показателей. По сути, в свой «золотой век» Игарка мало-помалу превращалась в более «монопрофильный», узкоспециализированный город, утрачивала своеобразие и разнообразие экономики и городской среды.

Уроки Игарки для современной Арктики: увидеть точку невозврата

Тема арктической урбанизации – одна из самых актуальных в научной арктической повестке (подробнее см.: [Замятина, Гончаров, 2020]). Однако городская Арктика неоднородна: есть города комплексные, и даже университетские центры, и есть преимущественно промышленные, лишённые функций базы освоения, «центрального места» (если применять терминологию Кристаллера). Российская Арктика отличается уникально высокой долей городов второго типа [там же].

²⁵ Интервью автора, 2018. Подобные случаи были и в других промышленных центрах.

Конечно, судьба Игарки стала результатом наложения целого ряда факторов. Одним из важнейших было то обстоятельство, что большинство научных и образовательных функций были перехвачены у Игарки Норильским промышленным районом (исследования в области полярной медицины, сельского хозяйства Крайнего Севера и особенно – геокриологии) – подобно тому, как когда-то функции «окна в Европу» были перехвачены у Архангельска Санкт-Петербургом.

И все же это не умаляет необходимости переоценки «золотого века» Игарки. «Тучные» 1970-е, 1980-е *не заложили ничего*, что помогло бы Игарке пережить кризис 1990-х и последующие сложные внешние экономические условия – напротив, Игарка именно в свой «золотой век» утрачивала потенциальные «институты знания» – научно-исследовательские, образовательные институты. «Золотой век» массового производства и обострения узкой специализации (заложенный еще в предвоенные годы после репрессий в системе Севморпути и многократно усиленный погоней за валовыми показателями в последние десятилетия советской власти) обернулся слабостью городской системы перед лицом пришедших экономических трудностей 1990-х.

Ни в коем случае не оправдывая безответственные решения 1990-х (в частности, закрытие градообразующего предприятия без эвакуации города), многочисленные имевшиеся в то время хозяйственные злоупотребления и даже преступления; не оправдывая общую политику руководства страны по «уходу с Севера», во многом инспирированную Мировым банком (см., например [Мельникова, 2005. С. 34–47]), – констатирую: возможности выстраивания альтернативной, научно-исследовательской, туристической, образовательной экономической специализации (которая бы расцвела на новом этапе развития города с приходом «Ванкорнефти») не только не были усилены – они были, во многом, растратчены именно в период наибольших экономических показателей, в 1970–1980-е, в период выстраивания «типичного» города Игарки.

Фронтальные города со всей очевидностью проходят однотипную цепь стадий развития. Нулевой цикл связан с накоплением информации, случайными экспедициями и предприятиями. В случае Игарки это проекты и пробные попытки организации экспорта по СМП – от М. Сидорова до Й. Лида, от Дж. Виггинса до карских экспедиций.

Далее идет мощная (и обычно идеологически очень нагруженная) стадия слома барьера, собственно фронта, когда зачинается новая прибыльная отрасль, преобразуется территория, формируются (зачастую) новые общественные отношения. В какой-то степени здесь можно провести параллель с технологической революцией в миниатюре, но если на сломах технологических укладов общественные институты обычно отстают от технологических перемен, то на фронте (и в этом его типологическая особенность!) новые общественные институты создаются одновременно с самим процессом освоения новой территории, который, в свою очередь, обычно становится возможным лишь с обретением новой технологии.

Случай Игарки здесь «образцово-показательный»: технология сплава енисейского леса, открытие удобной точки перегрузки, обеспечение относительно крупнотоннажного экспорта сломили барьер дороговизны перевозок – и пошел промышленный, регулярный экспорт по Севморпути. Одновременно создавалась новая форма управления территорией – Главное управление Севморпути; причем в Игарке формировалось довольно интересное, подлинно фронтальное сообщество (если в классике американского фронта писали о сломах барьеров между классами и гендерными группами, то в Игарке 1930-х ослабевали барьеры между «вольными» и «раскулаченными» – во всяком случае, если верить работам Горчакова).

В какой-то момент первоначальное «месторождение» истощается – в случае Игарки это были ее преимущества при самосплаве леса. Для некоторых городов это первая возможная точка невозврата. Однако по закону возрастающей отдачи возникает возможность использования города как базы новых отраслей. И вот тут и возникает критическая развилка северного города: становление монопрофильным промышленным центром или базой нового освоения – средоточием освоенческих услуг, технологических и интеллектуальных. Игарка, в ранние годы уверенно закладывая фундамент развития по второму сценарию, примерно к середине 1970-х скатилась в первый, монопрофильный сценарий. Параллельно с наращиванием рекордных производственных показателей она утрачивала разнообразие и творческий потенциал.

Самый важный урок Игарки – это острота противоречия между валовыми производственными показателями и разнообразием городской среды, по сути – между сиюминутной экономической эффективностью производства и жизнестойкостью производственного города. Известное по книгам Дж. Джейкобс противоречие между краткосрочной производственной эффективностью и долгосрочной жизнестойкостью, блестяще показанное ею на примере сопоставления узкоспециализированного Манчестера и многоотраслевого Бирмингема, в Арктике обретает особый смысл. Как правило, это противоречие проявляется как дилемма «производственный центр – база освоения», или «город при месторождении / база освоения всего района». И это тоже наглядно видно на примере Игарки.

Большую роль сыграло положение Игарки среди других экономических центров севера Красноярского края. Будучи пионером освоения в этом районе, в первые годы Игарка выполняла и роль центра для развития новых поселений; из нее осуществлялись авиаразведка, радиосвязь, поставлялись стройматериалы, продукты, опыт. Если бы Игарка могла бы закрепиться в роли экономического центра низовий Енисея, особенно, если бы получила статус административного центра, ее, очевидно, ждала бы совершенно иная судьба. Это доказывает сопоставление с Нарьян-Маром, синхронно с Игаркой утратившим лесозэкспортную отрасль (Нарьян-Марский – еще дореволюционный – лесозавод Стелла Поларе после череды смен владельцев был признан банкротом в 2010 г., Игарский лесозавод, также после ряда преобразований, признан банкротом в 2008 г., равно как и Игарский морской порт). Нарьян-Мар спас статус столицы Ненецкого АО, административные функции стали доминирующими.

Статус хотя бы райцентра очень помог бы Игарке – но тут ее подвела советская система наделения северных промышленных городов статусом города областного/краевого подчинения, из-за которого Игарка, очевидно, «недобрала» потенциала становления административно-организационным центром окружающей территории – хотя по факту он был и отчасти реализуется даже сегодня (так, например, больница Светлогорска «относится» к Игарке²⁶). Любопытно, что в числе попыток найти новую экономическую

²⁶ Интервью с главврачом больницы в г. Игарке, 2018.

опору развития города, в 1990 г. Игарским горсоветом была ратифицирована Декларация о создании Северо-Енисейской области (Норильск, Дудинка, Хатанга, Диксон, Усть-Енисейск, Талнах, Кайеркан, Игарка) с возможностью образования в Игарке свободной экономической зоны [Горчаков, 1995].

Однако в силу большей экономической значимости Норильска – младшего «собрата» Игарки – большинство функций «центрального места», связанного с обслуживанием окружающей территории (научные, образовательные, культурные, управления инфраструктурой, связь) – перешли к нему. Игарка из центра освоения территории превратилась в узкоспециализированный промышленный центр, и именно это, во-видимому, и лишило ее возможности выживания в период общего кризиса Крайнего Севера.

Именно сюда уходят корни невозможности эффекта Джека Лондона: сконцентрировавшись на узких производственных задачах, «отдав» профильное образование и сельское хозяйство, телевидение и научные исследования (кроме мерзлотных), Игарка утратила те самые «обслуживающие», сопутствующие основной сырьевой, отрасли, которые по окончании ресурсного бума могли бы стать основой дальнейшего существования города.

Это сильный урок для всех существующих сырьевых центров Арктики, особенно Норильска, который сейчас мог бы стать «монополистом» по выполнению городских функций в центральной российской Арктике. Отказываясь от функций базы освоения окружающей территории (образование, медицинское обслуживание – эти функции переданы Дудинке; туризм, СМИ, научные исследования и др. сконцентрированы на обслуживании потребностей самого города, и, кроме туризма, находятся в кризисном состоянии), Норильск теряет возможности выйти на эффект Джека Лондона в далекой перспективе. С утратой статуса административного центра субъекта РФ сузились эти возможности и для Дудинки. Конечно, речь не идет о «вечном» сохранении городов в прежнем размере, речь о сохранении базовых функций, научных, образовательных, сервисных отраслей, обслуживающих обширную окружающую территорию – о сохранении жизнеспособных центров даже при возможных радикальных изменениях и в градообразующей отрасли, и в численности населения. Будущее развитие Арктики неожиданно востребует

любую освоенную точку, сохранение освоенных островов посреди «белого безмолвия» – и сохранение потенциальных баз даже, казалось бы, в «отработанных» районах – важная эстафета будущим поколениям.

Литература

Assche Van, K., Deacon, L., Gruzmacher, M. et al. Boom & Bust: A Guide to managing ups and downs in communities. Edmonton, Alberta, University of Alberta, 2016. 234 p. Available at: https://issuu.com/uaextension/docs/boom_and_bust_a_guide/

Баранский Н.Н. Экономико-географическое положение // Избр. тр.: Становление советской экономической географии. М., 1980. 287 с.

Голенков В.Е. Совершенствование технико-экономической оценки развития регионального водного транспорта на примере транспортной системы «Енисей – Северный Морской путь». Автореф. дисс. на соиск. уч. ст.к.э.н. С.-Петербург, 2007.

Гонина Н.В. Проблемы укоренения городского населения на Енисейском Севере в 50–80-х годах XX века // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Социальные и гуманитарные науки». 2016. № 5. С. 5–16.

Горчаков Р. Удивительная Игарка. Красноярск: Медведь, Инкомбук. 1995. 210 с.

Замятина Н.Ю. Северный город-база: особенности развития и потенциал освоения Арктики // Арктика: экология и экономика. 2020. Т. 38, № 2. С. 4–17. DOI: 10.25283/2223–4594–2020–2–4–17.

Замятина Н.Ю., Гончаров П.В. Арктическая урбанизация: феномен и сравнительный анализ // Вестник Московского университета. Серия 5: География. 2020. № 4. С. 69–82. URL: <https://vestnik5.geogr.msu.ru/jour/article/view/718>

Замятина Н.Ю., Пилясов А.Н. Инновационный поиск в монопрофильных городах: блокировки развития, новая промышленная политика и дорожная карта перемен. М.: УРСС. 2015. 216 с.

Игарка / Ред.: Остроумова, Брилинский, Чепурнов. [Игарка]: издание Игарского горсовета, Красноярск: Красноярский рабочий. 1935, 45 с.

Космачёв К.П. Пионерное освоение тайги (экономико-географические проблемы). Новосибирск: Наука, 1974. 143 с.

Крюков В.А. Моногорода и освоение сырьевых ресурсов на стадии высокой степени зрелости ресурсной базы // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2019. Т. 4. № 1. С. 98–105.

Мельникова Л.В. Глава 1: Освоение Сибири в зеркале либеральной экономической науки // Проблемные регионы ресурсного типа: Азиатская часть России / Под ред. В.А. Ламина, В.Ю. Малова. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. С. 34–47.

Мосунов В.П., Никульников Ю.С., Сысоев А.А. Территориальные структуры районов нового освоения. Новосибирск: Наука, 1990. 153 с.

Мы из Игарки: Недетская судьба детской книги / Авт.-сост. М. Мишечкина и А. Тоцев. М.: Возвращение: Игарский музей вечной мерзлоты, 2000. 134 с.

Наумов А.С. Феномен фронта и сельскохозяйственные районы // Региональные исследования. 2018. № 2 (60). С. 13–24.

Пялясов А. Н. Закономерности и особенности освоения Северо-Востока России (ретроспектива и прогноз). Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 1996. 145 с.

Славин С. В. Промышленное и транспортное освоение Севера СССР. М.: Экономиздат, 1961. 302 с.

Сысоев А. А. Экономико-географические аспекты изучения баз освоения // Теория хозяйственного освоения территории / Ред. К. П. Космачев. Иркутск: Ин-т географии Сибири и Дальнего Востока Сибирского отделения АН СССР, 1979. 127 с.

Тёрнер Фредерик Дж. Фронтир в американской истории / Пер. с англ. М.: Весь Мир, 2009. 304 с.

Borneman W. Alaska: Saga of a Bold Land. 1st edition. NY: Perennial, 2003.

Developing Frontier Cities: Global Perspectives- Regional Contexts / Ed. by Harvey Lithwick and Yehuda Gradus. Springer Science+Business Media B. V. 2000

Huskey L. Alaska's Economy: The First World War, Frontier Fragility, and Jack London // Northern Review. 2017. № 44. P. 344.

Innis, H. The Fur Trade in Canada: An Introduction to Canadian Economic History. Toronto: University of Toronto Press. 1930.

International economics: theory & policy/Paul R. Krugman, Maurice Obstfeld, Marc J. Melitz.-9th ed. Prentice Hall, 2011. 736 p.

Krugman, P.R., Obstfeld, M. and Melitz, M.J. (2011). *International economics: theory & policy*. 9th ed. Prentice Hall. 736 pp.

Zamyatina, N. Yu. (2020). Igarka as a frontier: lessons from the pioneer of the Northern Sea Route. J. Sib. Fed. Univ. Humanit. Soc. Sci., 13(5), 783–799. DOI: 10.17516/1997–1370–0607

Статья поступила 28.09.2020.

Статья принята к публикации 20.10.2020.

Для цитирования: Замятина Н. Ю. Развилки судьбы фронтального города: уроки Игарки// ЭКО. 2021. № 1. С. 67-92. DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2021-1-67-92.

Summary

Zamyatina, N. Yu. Cand. Sci. (Geography), Lomonosov Moscow State University, Institute of Regional Consulting, Moscow

Bifurcations of the Fate of a Frontier City: Igarka Lessons

Abstract. On the example of Igarka, the city that started the industrial use of the Northern Sea Route for the export of raw materials, the mechanism of evolution of a frontier city is considered. A frontier city is understood as a city created in an area of new development in connection with a new type of resource introduced into circulation. After the first, pioneering phase of development, such a city evolves according to one of the two scenarios: either a single-industry settlement, or a city-base for further development. A single-industry city is effective for a short period of time, but when the resource is depleted or its operational conditions change, it loses its viability. The development base provides conditions for exploitation of all new resources, in fact, it is a reproduction of the frontier. These functions can be

preserved in the city after depletion of the initial resource. Igarka followed the first path, and the author wonders how predetermined this choice was.

Keywords: *Northern Sea Route; Arctic; single-industry town; export of raw materials; economic crisis; location; diversification; development base; knowledge development; boom&bust cycles*

References

- Assche, Van K. et al. (2016). *Boom & Bust: A Guide to managing ups and downs in communities*. Edmonton, Alberta, University of Alberta, 234 p. Available at: https://issuu.com/uaextension/docs/boom_and_bust_a_guide/ (accessed 15.10.2020).
- Baranskiy, N.N. (1980). Ekonomiko-geograficheskoye polozeniye. In *Selected papers: Formation of Soviet economic geography*. Moscow, Mysl' Publ. 219 p. (In Russ.).
- Borneman, W. (2003). *Alaska: Saga of a Bold Land*. 1st edition. NY, Perennial. 640 p.
- Developing Frontier Cities: Global Perspectives- Regional Contexts* (2000). Ed. by Harvey Lithwick and Yehuda Gradus. Springer Science+Business Media B.V. 348 p.
- Golenkov, V.E. (2007). Improving the technical and economic assessment of the development of regional water transport on the example of the transport system «Yenisei-Northern Sea route». Abstract of Ph.D. thesis, St. Petersburg. (In Russ.).
- Gonina, N.V. (2016). Integrational problems of the urban population setting on the Northern territories along the Enisey river (1950s – 1980s). *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya «Sotsial'nyye i gumanitarnyye nauki»*. *Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series "Social and Humanitarian Sciences"*. No. 5. Pp. 5–16. (In Russ.). DOI: 10.17238/issn2227–6564.2016.5.5
- Gorchakov, R. (1995). *Amazing Igarka*. Krasnoyarsk: Medved' Publ., Inkombuk Publ.. 210 pp. (In Russ.).
- Huskey, L. (2017). Alaska's Economy: The First World War, Frontier Fragility, and Jack London. In *Northern Review*. No. 44. P. 344.
- Igarka* (1935). Ed. by: Ostroumova, Brilinskiy, Chepurnov. [Igarka]: izdaniye Igarskogo gorsoveta, (Krasnoyarsk, Krasnoyarskiy rabochiy). 45 p. (In Russ.).
- Innis, H. (1930). *The Fur Trade in Canada: An Introduction to Canadian Economic History*. Toronto, University of Toronto Press. 486 p.
- Kosmachev, K. P. (1974). *Pioneering taiga development (economics and geographic problems)*. Novosibirsk. Nauka. 143 p. (In Russ.).
- Krugman, P.R., Obstfeld, M. and Melitz, M.J. (2011). *International economics: theory & policy*. 9th ed. Prentice Hall. 736 pp.
- Kryukov, V.A. (2019). Monotowns and Resources Development at the Mature Stage of Mineral Resource Potential. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic sciences*. Vol. 4. No. 1. Pp. 98–105. (In Russ.) DOI: 10.21603/2500–3372–2019–4–1–98–105
- Mel'nikova, L.V. (2005). Chapter 1: Development of Siberia in the mirror of liberal economic science. In *Problematic resource-type regions: the Asian part of*

Russia. Ed by V.A. Lamin, V. Yu. Malov. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN. Pp. 34–47. (In Russ.).

Mosunov, V.P., Nikul'nikov, Yu.S., Sysoyev, A.A. (1990). *Territorial structures of areas of new development*. Novosibirsk, Nauka, 153 p. (In Russ.).

Naumov, A.S. (2018). Frontier phenomenon and agricultural regions. In *Regional'nyye issledovaniya*. No. 2 (60). Pp. 13–24 (accessed 15.10.2020). (In Russ.).

Nevenkin, K.G., Lapin, G.P. (1975). *Timber exports from the Yenisei: (Manual for workers of timber export enterprises in Siberia)*. Ed. by N.A. Nikonenko. Krasnoyarsk: Kn. izd-vo. 280 p. (In Russ.).

Pilyasov, A.N. (1996). *Regularities and features of the development of the North-East of Russia (retrospective and forecast)*. Magadan, SVKNII DVO RAN. 145 p. (In Russ.).

Slavin, S.V. (1961). *Industrial and transport development of the North of the USSR*. Moscow, Izdatel'stvo ekonomicheskoy literatury, 302 p. (In Russ.).

Sysoyev, A.A. (1979). Economics and geographical aspects of the study of the development bases. *The theory of economic development of the territory*. Ed. by K.P. Kosmachev. Irkutsk: In-t geografii Sibiri i Dal'nego Vostoka Sibirskogo otdeleniya AN SSSR, 127 p. (In Russ.).

Turner, F.J. (1893). The Significance of the Frontier in American History, In *Annual Report of the American Historical Association for 1893*, 199–227. Washington, D.C.

We are from Igarka: Non-childish fate of a children's book (2000). Ed by M. Mishechkina and A. Toshchev. Moscow, Vozvrashcheniye, Igar. muzey vech. merzloty. 134 p. (In Russ.).

Zamiyatina, N. Yu. (2020). Igarka as a frontier: lessons from the pioneer of the Northern Sea Route. In *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. Soc. Sci.*, 13(5), 783–799. DOI: 10.17516/1997–1370–0607

Zamyatina, N. Yu. (2020). Northern city-base: its special features and potential for the Arctic development. In *Arctic: Ecology and Economy*. No. 2 (38). Pp. 4–17. DOI: 10.25283/2223–4594–2020–2–4–17. (In Russ.).

Zamyatina, N. Yu., Goncharov, R.V. (2020). Arctic urbanization: a phenomenon and a comparative analysis. In *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5: Geografiya*. No. 4. Pp. 69–82. Available at: <https://vestnik5.geogr.msu.ru/jour/article/view/718> (accessed 15.10.2020). (In Russ.).

Zamyatina, N. Yu., Pilyasov, A.N. (2015). *Innovative search in single-industry towns: development blockages, new industrial policy and a roadmap for change*. Moscow, URSS. 216 p. (In Russ.).

For citation: Zamyatina, N. Yu. (2021). Bifurcations of the Fate of a Frontier City: Igarka Lessons. *ECO*. No. 1. Pp. 67–92. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2021-1-67-92.